

Имена деятеля от глаголов коммуникации. Этот подкласс каузативных информационных глаголов характеризуется наивысшим положительным коэффициентом корреляции с агентивно-именной деривацией (.29) и, таким образом, представляет основной источник образования существительных со значением деятеля. В центре подкласса глаголов коммуникации находятся глаголы речи, и именно они отмечены наибольшим количеством агентивных производных. Все остальные семантические классы каузативных информационных глаголов (и соответствующих производных имен деятеля) как раз подразделяются на два подтипа, в зависимости от коммуникативного (или некоммуникативного) информационного воздействия.

Различные подклассы энергетических и онтологических глаголов значительно менее однородны по критерию наличия производных имен деятеля, чем информационные. Так, при общей отрицательной соотнесенности макрокласса энергетических глаголов с именами деятеля (коэффициент корреляции — .15) отдельные его подклассы характеризуются нейтральным и даже положительным (глаголы движения (.04), формы/структуры (.01) соотношением с рассматриваемым деривационным признаком. Макрокласс онтологических каузативных глаголов в целом нейтрален относительно агентивной деривации, тогда как отдельные его подклассы отрицательно (глаголы социального состояния: —.04) или положительно (глаголы существования: .06) соотнесены с производством агентивных существительных.

На этом основании энергетические и онтологические глаголы объединяются в настоящем исследовании в единый немаркированный макрокласс «неинформационных» глаголов. Особого рассмотрения заслуживают четыре подкласса неинформационных каузативных глаголов и их именных производных, которые имеют положительный коэффициент корреляции с агентивной деривацией.

1. Глаголы физического состояния являются наиболее многочисленными в составе неинформационного макрокласса. 48,61 % глаголов данного подкласса имеют дериваты со значением деятеля (коэффициент корреляции: .10).

2. Глаголы существования также имеют положительный коэффициент корреляции с агентивной деривацией (.06). Результативные экзистенциальные состояния четко подразделяются на два антиномических подтипа: позитивный («существование») и негативный («несуществование»).

3. Каузативные глаголы движения (коэффициент корреляции с агентивной деривацией: .04) также могут выражать два антонимичных результативных состояния объекта: «каузированное движение» — «каузированное отсутствие движения» («неподвижность»).

4. Каузативные глаголы, обозначающие различные типы изменения формы/структуры, как и глаголы движения, характеризуются минимальным положительным коэффициентом корреляции с агентивной деривацией (.04). По типу соответствующего воздействия и способу его выражения агентивные дериваты данного подкласса подразделяются на имена деятеля, имплицитные физическое (*folder, ironer — breaker, crusher*), информационное (*classifier, sorter*) или недифференцированное (*organiser, shaper*) воздействие субъекта на объект.

Как видно из рассмотренного материала, основным типом неинформационного воздействия является физическое, результатом которого может быть физическое состояние (*polisher, burner*), существование/несуществование (*builder/uprooter*); изменение формы/структуры объекта (*uniter; disuniter*) или его движение (*pusher, jerker*).

Можно, следовательно, утверждать, что физическое воздействие играет такую же ядерную роль в сфере неинформационных процессов, какую коммуникативное (в первую очередь — речевое) воздействие играет в информационной области.

О ТИПОЛОГИИ МЕТАФОР В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (когнитивный ракурс проблемы)

Ивашкевич И. И., Белобородская А. Д., Белорусский государственный университет

В рамках когнитивной парадигмы научного знания интерес к изучению политического дискурса не ослабевает. В многочисленных когнитивно-ориентированных лингвистических исследованиях ученые акцентируют свое внимание на общих принципах и механизмах, которые отражают способы категоризации и концептуализации различных

сфер политической жизни определенного социума, на выборе языковых средств для достижения конкретной цели, на роли когнитивного механизма метафоризации и использования метафор в речи политиков как источника получения нового знания, на предпочтительность определенных метафорических и метонимических моделей и их когнитивный потенциал, на роли отдельных концептов, отражающих специфику политической и социальной жизни той или иной страны, с целью оказания позитивного или негативного воздействия на массовое сознание аудитории для достижения определенных целей и многое другое.

Наиболее полное определение дискурса, с нашей точки зрения, представлено в лингвистическом энциклопедическом словаре (ЛЭС 1990), которое принадлежит выдающемуся лингвисту Н. Д. Арутюновой: «Дискурс (от франц. *discours* — речь) — связанный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в понятийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс — это речь, «погруженная в жизнь ... ». Что касается определения «политический дискурс», то в лингвистической литературе существуют его десятки трактовок как в узком, так и в широком смысле. Т. А. ван Дейк, например, определяет политический дискурс как форму институционального дискурса. Интерес представляет определение «политического дискурса» как совокупности всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом (А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич), которое мы принимаем за рабочее определение.

Проведенный анализ политического дискурса (на примере отдельных речей известного британского политика Маргарет Тэтчер) с целью представленности в нем определенных структур нового знания и способов его концептуальной организации, позволяет нам сделать некоторые обобщающие выводы. К особенностям политических выступлений Маргарет Тэтчер относится, в первую очередь, широкое использование концептуальных, онтологических, пространственных, темпоральных, артефактных и других типов метафор, которые безпроблемно «запускают механизмы» определенного эмоционального и психологического воздействия, убеждения, аргументации и манипулирования общественным сознанием адресата. Это свидетельствует, прежде всего, об ораторском мастерстве политика, его умении отстаивать свою позицию или определенные политические взгляды и влиять на слушателей всеми доступными языковыми средствами. Приведем примеры использования разных типов метафор в выступлениях Маргарет Тэтчер в самом обобщенном виде.

1. Моделирование определенной области человеческой деятельности посредством концептуальных метафор. Ср.: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — это ИГРА или ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ это ИГРА (*Outside Europe, GATT with its mandate to reduce trade barriers should be the body that establishes the rules of the game in trade.* — За пределами Европы ГАТТ (с ее мандатом на снижение торговых барьеров) должна стать тем органом, который *устанавливает правила игры в сфере торговли*). Здесь и далее — перевод наш. В этом примере Маргарет Тэтчер описывает международную торговлю с помощью социоморфной метафоры игры, а международные нормы, регулирующие торговые отношения между государствами и устанавливаемые ГАТТ, сравнивает с правилами игры. Возможно, здесь имплицитно представлено своего рода предупреждение слушателей о том, что игра это не только увлекательное занятие, но и процесс создания типичных ситуаций и нахождения в них практических решений, в котором, как в настоящей игре, будут и победители, и проигравшие.

2. Моделирование социальных отношений сквозь призму зооморфных метафор. Ср.: «*The chameleon qualities of the comrades have never been more clearly demonstrated than in their emergence as democratic socialists and varieties of nationalist in the countries of Central and Eastern Europe.*» — *Изменчивая натура наших товарищей-«хамелеонов»* еще никогда прежде не проявлялась так явно, как в тот момент, когда в странах Центральной и Восточной Европы появились социал-демократы и разные националисты. Используя зооморфную метафору (связанную с готовностью хамелеона изменять окраску или рисунок своей кожи, чтобы скрываться с окружающей средой), Маргарет Тэтчер искусно переносит эту способность животного на образ союзников, указывая на то, как быстро они могут менять свои мнения, взгляды, симпатии или принципы чтобы приспособиться к новым условиям в зависимости от обстановки или в угоду кому-либо.

3. Использование темпоральных и/или пространственных метафор с целью создания конкретного образа, который воздействует на языковое сознание слушателей. Ср.: *But I prefer to believe that certain lessons have been learnt from experience, that we are coming, slowly, painfully, to an autumn of understanding. And I hope that it will be followed by a winter of common sense.* — Но я предпочитаю верить, что некоторые уроки, накопленные из нашего опыта, дают понять, что мы подходим — медленно, мучительно — к **осени осмысления**. И я надеюсь, что за осенью придет **зима здравого смысла**. В данном когнитивном контексте Маргарет Тэтчер использует темпоральные метафоры, относящиеся к смене времен года для создания эффекта переходного периода, определенного состояния отношений между европейскими странами, а именно — (здесь) перехода от периода мучительных изменений (имплицитно представленных в образе осени и связанного с ней процесса увядания природы), в котором они сейчас находятся, к образу зимы (букв. зимы здравого смысла), который приобретает в этой речи положительную коннотацию. Темпоральная метафора моделирует в данном когнитивном контексте следующие значения: период без потрясений и волнений, основанный на доводах холодного рассудка в отношениях между странами.

Декодирование и интерпретация многочисленных метафор и метафорических образов, репрезентативно представленных в арсенале политических выступлений Маргарет Тэтчер (равно как и в речах других политиков), требуют определенных когнитивных усилий.

JAPANESE AS A COMMUNICATION TOOL

Kostochkina O. V., Arabei M. S., Belarusian State University

Since English became a means of communication of the international community, its classical teaching norm — Standard English — has been constantly challenged around the world. One of such challenges in Japan is Japanglish.

According to Collins English Dictionary, Japanglish (or Japlish) is a portmanteau of the words 'Japanese' and 'English'. It refers to the phenomenon of adoption and adaptation of English words into the Japanese language. For example, Japanglish includes Japanese-language pseudo-Anglicisms known as *Wasei-eigo* («*baby-car*», i.e. a stroller), abbreviations of loanwords *Gairaigo* («*apo*», i.e. an appointment), *code-switching* combinations («*karaoke*», a combination of «*kara*», i.e. empty, and abbreviated «orchestra»), and corruptions of the English language known as *Engrish* («*Let's English!*»).

Japanglish originated as a lingua franca in communication between Japanese nationals and foreigners in 19th century. However, since then it evolved into a large vocabulary group commonly used in the modern Japanese language and is distinguished by transcribing it in katakana characters. The latter signals Japanese individuals that the word is 'borrowed' or 'foreign', thus can be used in conversation with foreigners (non-Japanese). Unfortunately, this assumption causes a lot of confusion in the English classes and real-world situations. For example, a Japanese student may ask something like the following: «Can I use *konsento*?» This sentence can frustrate any native English teacher, because of the familiarity with the word 'consent', but actual meaning is 'an electrical outlet' or 'an electrical plug'. Other confusing Japanglish examples are «*pet bottle*» (i. e. a plastic bottle), «*seals*» (i.e. stickers), «*hochikiss*» (i. e. a stapler), «*shapupenciru*» (i. e. a mechanical pencil), «shoe cream» (i. e. cream puffs), «*pea man*» (i. e. sweet pepper), «*mansion*» (i. e. an apartment), etc.

Despite the expansion of English educational practices into the Japanese school system, Japanglish still often serves as a primitive communication tool between a Japanese with limited English proficiency and an English speaker. Depending on the level of English proficiency, the Japanese would either use an English sentence structure and grammar compensating their limited English vocabulary with Japanglish, or would try to make a sentence combining Japanglish words and phrases in the Japanese grammar. An expression «*I will do my besuto!*» is an example of the first situation, in which «*besuto*» means «best». At the same time, a Japanese with limited English proficiency would say something like the following: «*Furenzu, meeto, moobee*», which means 'I am going to meet my friends and watch a movie'. Such conversational techniques are known as code-switching or code-mixing, and are widespread among non-native English speakers around the globe.

As Graham Hall and Guy Coe have noticed, a lot of English teachers in Japan share negative attitudes toward the usage of Japanglish during English classes calling it incorrect or 'broken English'. It derives from the assumption that monolingual approach in teaching a new